Автор: admin
02.12.2013 10:14 -

Аристократы духа, Глава 2

Бакунин поднялся на палубу парохода-клипера «Стрелок», смотрел в бездонное голубое пространство, говорящее ему скорее не о красоте мироздания, а о близости побережья. Облака, словно наткнувшись на невидимую преграду, бесследно растворяются над Татарским проливом. Облака, как и мысли, на самом деле не движутся - проступают в небе там, где влажность выше…. По траверсу суровых скалистых берегов - неведомый, огромный край, пустынный теперь, но богатый огромною будущностью и уже оживленный неутомимою энергией славянского духа. Ведь это - просто чудо, как Муравьеву удалось такое совершить. Есть от чего пробудиться всей было заснувшей романтике юности, и старой русской охоте к бродяжничеству.
На выскобленной и выдраенной кирпичом до белизны палубе пустынно, поблескивают зачищенные до золотого блеска головки медных гвоздей, шканцы свернуты в тугие бухты, молчаливые и выдрессированные морскими уставами матросы заняты делом, везде чистота и порядок, все приказы исполняются без промедления.
Бакунин оперся на сетки, погрузился в свои мысли беглеца. На клипере никто не знал его как поднадзорного ссыльного, к нему даже офицеры и капитан относились как к крупному коммивояжеру Амурской компании. Постоянная манильская сигара из капитанских запасов во рту тучного седовласого господина, его геркулесовое телосложение вызывали почтение.
Офицеры, по роду их занятий побывавшие во многих морях и странах, поражались его знаниями языков и практической жизни в Европе.
В Бакунине не было осторожности приземленного человека, с его мелкими прагматичными порывами души, требующей для всего причины и результата усилий. Взгляды его на мир и способы его развития, порой скептические и парадоксальные, были естественным свойством его этики. Ему не надо было лицемерить и обсуждать, чтобы показать свое мнение, он по рождению был аристократом, не заботящимся о бренности и тщете усилий в этой юдоли печали. В общении с попутчиками не было и морального долженствования.
Иногда Мишеля заносило в разговоре с незнакомцами, тогда позднее он сокрушался: «Когда я вспоминаю все свои прошедшие речи, я завидую немым. Прилагая усилия выделиться или прославиться талантом перед ничтожествами, чувствуешь себя опустошенным, выставляешь себя под удары невежества, зависти и предательства».
В его мировоззрении не было нигилизма, в споры он не вступал – не было смысла в фехтовании словами. Точное определение сути вещей заставляло собеседников внимательно относиться к своим собственным воззрениям. Этим своим свойством влиять на окружающих, заставлять их думать самостоятельно, Бакунин часто пользовался в своей непростой жизни. Разговор с ним приносил удовлетворение, как после хорошей выпивки.
Мишель понимал, когда дойдут сведения о бегстве из бессрочной ссылки, все его

прошлые слова будут восприниматься яснее и убийственнее для слабого сознания.
На мостике говорили, что он близок был окружению как уважаемого морскими офицерами Муравьева-Амурского, так и был родственником нового генерал-губернатора - Корсакова.
Муравьев исполнил свою миссию присоединения к царству вновь приобретенных земель, закрепление на ней крестьян, увеличение подушных податей в казну государства. Завоевание Кавказа обошлось казне в 2,5 млн. рублей, а присоединение Амурского края и Уссурийской области всего в 800 тысяч. Прорыв к южным незамерзающим морям позволял вести активную политику в Китае и закрытой для мира Японии. Россия помогла коалиции Англии и Франции разгромить инсургентов в Китае, была посредницей между колонизаторами и одряхлевшей Циньской династией в «опийной войне». Муравьевым был подписан Айгунский договор, а затем и Тяньцзинский трактат, вызвавший единодушное одобрение Кяхтинского купечества, казенных откупщиков, иркутских магнатов и московских финансистов, получивших исключительные права в торговле с Китаем по новой границе и всем крупным рекам Амурского бассейна. Царская администрация Восточной Сибири купалась в деньгах и новых званиях, карьеры чиновников составлялись мгновенно, к ним с жадностью приобщались прощенные политические ссыльные. Власть не оттесняла в сторону и придворную камарилью и их политических «противников», а способствовала обогащению в рамках проводимой реформы по смене экономической формации, так называемого «освобождения крестьян от крепостной зависимости».
Бедный, бедный Петрашевский попал под влияние старозаветных купчишек, стал их «петрушкой», но реализовать себя как социал-либерального прогрессиста они ему не дадут. Противостоять этой власти, значит дозировать свое участие в системе. Если хочешь истины, надо отвергать компромиссы, но тогда останешься со своей правдой один. Политика - прибежище негодяев, знающих ЦЕНУ момента.
Одно дело вести за собой чернь, вдохновляясь её изменчивым настроением, другое – расчищать дорогу богам. Вообще разрушать трудней, чем созидать, а когда надо разрушать возрождающуюся вульгарность и неистребимую глупость, тогда задача разрушения требует не только мужества, но и презрения. Организовать общественное мнение это попытка организовать общественное невежество, поднять его до физического возмущения, гальванировать архаику общественной морали. Легко симпатизировать страданию, и так трудно симпатизировать самостоятельной мысли. Общественная безопасность от опасных мыслей и поступков покоится на обычаях, на бессознательном инстинкте толпы, и основа такой устойчивости общества, как здорового организма, есть полное отсутствие разумности в отдельных его членах. Слабость современности в том, что её идеалы эмоциональны, сейчас такие, потом другие, а не интеллектуальны.
Муравьев заселил Забайкалье 40 тысячами кабинетных крестьян, тяжело трудившихся на приисках и царских железорудных заводах, добившись для них статуса казаков с причитающимися станицам землями. Только там русская земля, где ее пашет русский крестьянин. Во вновь присоединенный Амурский и Уссурийский край направлялись в обязательном порядке добровольцы из беднейших Забайкальских казаков и штрафные солдаты, - богатые могли откупиться. Казаки получали 100 десятин земли, что было больше, чем в Центральной России у среднего помещика, вторые, холостяки, работали на них, как батраки. В течение нескольких лет были переселены по Амуру 3 тысячи

семей и 6 тысяч штрафных, новые станицы организовывались через равные промежутки по пограничной линии методом самозахвата.

Местное маньчжурское и китайское население одно время жило рядом с поселенцами, занимаясь выращиванием зерновых и овощей. Земля и леса принадлежали, как и в Сибири, царствующему дому, а хлебопашцы платили арендные подати в казну. Вскоре поняв, что трудиться самим на своей земле тягостно и трудоемко, переселенцы начали нанимать в работники бесправных туземцев, и зажили врасхлист, мало заботясь о будущем, - пьянство и нравственное вырождение, стали их образом жизни. Нищий не знает меру, ему нужно все и сразу, а раб никогда не станет свободным – ему все дадено господином.

На пристани Хабаровки за крутым Амурским мысом Бакунин с борта парохода наблюдал сцену народного рвения.

– «Шевелись!» – закричал чиновник в мундире низшего разряда зычной глоткой, и все бросились исполнять его приказ, даже младенец встал и пошел.

Пересаживаясь к американцам на шкуну «Викерс», которую клипер вел до сих пор на буксире по фарватеру Амура, Бакунин сказал капитану, что хотел бы побывать в Хакодате по делам торговли. Пышные эполеты и баки на лице Сухомлина придавали ему так ненавистную Мишелю физиономию Александра II, что Бакунин на время оставил тревожные мысли, с саркастической ухмылкой попрощался с тиражированным олицетворением российского небожителя, не забыв принять от него подарок, зажав подмышкой штучную коробку с натуральными манильскими сигарами.